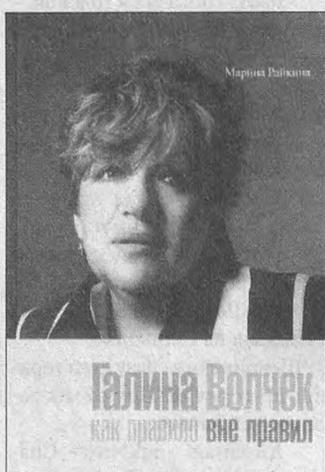

Галина Волчек глазами Марины Райкиной

О достоинствах и недостатках одной «юбилейной» книги R2 ЯНВ.07

Григорий Заславский

М.Райкина. Галина Волчек: как правило вне правил. - М.: Новое литературное обозрение, 2004, 576 с. 10 000 экз. ISBN 5-86793-280-X

Книга Марины Райкиной вышла к самому юбилею Галины Волчек. Книга - по-прежнему лучший подарок.

Едва получив увесистый (в самом деле - подарок!), без малого шестисотстраничный том, я в метро уже, по дороге домой, принялся читать «с любого места». Мне везло: попадались лучшие главы - про уход Елены Яковлевой из «Современника» и ее возвращение в театр, про репетиции «Кто боится Вирджинии Вульф» и сам спектакль, про то, как сочинялся и репетировался «Эшелон»... Показалось, что автор, театральным обозреватель «МК», сумела отделиться от естественной газетной суеты, от газетной же необходимости ежедневно кого-то

Постараюсь держаться в рамках приличий, не поступаясь искренностью.

Автор пользуется эффективным монтажом, с флэш-бэками, которые - всплшкой - задают интонацию каждой небольшой главки, чтобы впоследствии развернуться и превратиться в маленький эпизод большой истории. Некоторые такие «фрагменты», появляясь в начале, отзываются лишь в середине книги, мигая сигнальной лампочкой, отбивая ритм случайных встреч и неслучайных событий жизни Волчек, которая цыганкам не верит, но все свои премьеры назначает с учетом расположения звезд.

Читая книгу, я не раз ловил себя на том, что завидую Райкиной: понимая цену ее труда, я бы не отважился на такие вопросы, не смог бы так раскованно интересоваться взаимоотношениями Волчек с собственной внешностью. Сегодня ее называют первой леди русского театра, она одета по моде и - красива, но далеко не с самого начала это было так. На свои нескромные вопросы автор вместо предполагаемого «посыла» получает исчерпывающие ответы, с подробностями, существенными не только в биографии Волчек, но и для понимания эпохи.

Хорошо - все, что касается «Эшелона», который перед отъездом взятой Галиной Волчек приподнял железный занавес. Хорошо - про съемки у Козинцева в «Короле Лире», описывающие несегодняшние отношения великого режиссера с выдающейся, но еще начинающей актрисой. Потрясающая история - про поездку во Ржев, где

давно в интервью он поведал забавную подробность приема будущего «Современника» во МХАТ: их взяли на работу как бригаду шабашников, другого пути у дирекции не было).

Но автор, который познакомился с «Современником» в 1975 году, кажется, не считает Квашу хорошим актером и своеобразно обходит вниманием. К Олегу Табакову, напротив, испытывает особую симпатию. И пишет: «Лелик и Галка. Отдельная

О редакторских пропусках по причине их частоты и разнообразия скажем особо. Наугад и на выбор: «Все пошло согласно сценаристам из КГБ», «В 1977 году Галина Волчек и Марк Абельев развелись. После развода их отношения не складывались», «Но своего Чехова не сдавала и держала оборону, как последний бастион, любыми средствами», «События начала 90-х годов, развернувшие жизнь бывшего СССР на 360 градусов», «На

Содержание противоречит реальности, в которой «Современник» - ведущий, а «Табакерка» - просто хороший театр

и полновесная глава в жизни каждого из тех, кого публично и уважительно называют О.П. Табаковым и Г.Б. Волчек. Два лица двух ведущих театров страны - «Современника» и «Табакерки», с присоединившимся к ней в 2000 году Художественным театром». Несколько страниц спустя: «Время показало, что его педагогический и строительный талант не имеет размеров: Табаков воспитал несколько поколений замечательных артистов, загаженный подвал на улице Чапыгина превратил в один из самых интересных московских театров и после смерти Ефремова в 2000 году за один сезон буквально поднял с колен художе-

«крупный план» она вынесла любовь и измерила ее глубину, казало, с микронной точностью».

Берясь писать о творчестве, автор пользуется безликими формулами: «Его взяли в театр за ярко выраженные способности и редкую индивидуальность». О ком это? Не догадаться: подходит к любому из замечательной актерской когорты «Современника».

Или еще: «В сценической версии революционной трилогии Михаила Шатрова конца 60-х годов никакой динамики, действия не было». Трилогия была не Шатрова, а «Современника», Шатров был автором одной из пьес. Кроме того, Райкина явно путает действие и динамику, полагая, что в театре движение должно быть непременно выражено в мельтешении на сцене, а у Шатрова и действие, и динамика были в спорах героев, в движениях мысли.

«Обратную связь» Александра Гельмана Марина Райкина неверно относит к «датской драматургии» и жалеет «бедный театр, обреченный ставить так называемые производственные пьесы». «Датской драматургии» по определению был обеспечен зеленый свет, а Гельмана всякий раз приходилось пробивать: уровень допустимой правды в его пьесах превышал допустимые нормы. Но производственные пьесы в то время ставили не только в СССР. Разве Хоххут писал не производственные пьесы? А «Копенгаген», недавняя премьера во МХАТе имени Чехова, не того же поля ягода?

Разговорность слога, то есть неумение выбрать подходящее слово взамен того, которое случайно слетело с языка, однажды становится слишком заметной, даже разоблачительной. Там, где печатается эссе, написанное о Волчек Мариной Нееловой. Три страницы, поразительные по точности и выверенности каждого слова.

У Райкиной, конечно, свои достоинства. Она умело выуживает детали, которые ей интересны. Подробности, проливающие свет не только на биографию героини, но и на природу конфликта режиссера и актеров. К примеру, играя «на стороне» «Двое на качелях», актеры получают немалые деньги. И даже не думают о том, чтобы поделиться с режиссером спектакля. Волчек в итоге повезло: ее не вызывали на Петровку, а артистам пришлось ходить и объясняться. Или - Ефремов, который у членов Комитета по Госпремиям, которые пришли смотреть ее «Обыкновенную историю», спрашивает в антракте: «Ну и что, это говно вам нравится?» Разве такое можно простить?

Волчек прощает. В театре вообще бывает много такого, чему в обычной жизни места нет.

Порой кажется, что Райкина не написала, а наговорила книгу, добавив к своему еще много чужих голосов, которые при сложении, правда, не дали «всей» Волчек. Впрочем - утешения и уважения ради - возможно, это не недостаток книги, а достоинство Галины Волчек, которая бывает и такой, и другой, и третьей. Волчек-актриса, Волчек-режиссер, Волчек - на отдыхе, Волчек-пациент, Волчек-модельер... если верить тому, что написала о ней Марина Неелова.

А разве есть основания не верить?

Галина Волчек - правило вне правил. 1983 год.

Фото Григория Цитриняка

продвигать, а кого-то, наоборот, задвигать.

Потом я начал читать по порядку, и к первым впечатлениям добавились другие. В ней - в книге - Райкина была Райкиной, а вот Волчек, несмотря на обилие фотографий разных лет и разного качества (подобранных с величайшим уважением к героине), то и дело ускользала, ее портрет расплывался, будто приходилось вглядываться в лицо через стекло, на которое капает дождь или падает снег...

Как быть и что делать рецензенту, если к Галине Волчек он относится с авторочайшим уважением, а с губочками книги его связывают давние приятельские, а время от времени - товарищеские отношения? Если помимо достоинств замечены и «отдельные недостатки»?

доживала свой век простая русская женщина, которая в годы войны спасла попавшего в окружение нашего летчика, который после Победы уехал и больше не вспоминал свою спасительницу. Волчек прочитала о ней в газете, сорвалась и поехала в Ржев.

Интересно - про несостоявшиеся гастроли «Современника» в Швецию. Я, правда, слышал несколько иной вариант этой истории, но в книге Волчек, собственно говоря, не опровергает и эту, иную версию, согласно которой Игорь Кваша и Валентин Гафт вдруг стали невыездными, а Волчек отказалась вводить других актеров.

«Шведский эпизод» - из числа немногих, где автор упоминает имя Игоря Квашы. Вместе с Волчек, с Ефремовым, с Табаковым Кваша был среди первооснователей «Современника» (не-

ственный театр». Особенности стиля оставим на совести автора и редактора, но содержание явно противоречит реальности, в которой «Современник» - ведущий, а «Табакерка» - интересный. Что касается колен, то Табаков, придя во МХАТ, кажется, попытался заставить МХАТ упасть и отжаться, но получилось пока только первое.

Вообще же про театральный быт в книге рассказано интереснее и подробнее, нежели про театр «в формах самого театра». Много - про второго мужа, едва-едва, впроброс - о природе режиссерского таланта. Отсюда - всепроникающая, неотредактированная, доверительная - устная речь, которая в книге, так роскошно и, как теперь говорят, пафосно выстроенной и изданной, воспринимается как недостаток.